

ПИСЬМА А. С. ШИШКОВА К ЖЕНЕ

(1797 – 1798 гг.)

Часть 2*

Л. КИСЕЛЕВА

7

Дрезден Февраля от 21 числа 1798 года.
Друг мой Дарья Алексеевна! Я получил от тебя почти вдруг два письма, первое писанное от 10 го генваря пришло ко мне третьева дни, а другое от 26 числа того же месяца, получил я севодни. Благодарю тебя, что ты часто ко мне пишешь, только жаль, что по незнанию о месте пребывания моего посылаешь их через Вену, отчево оне очень долго до меня идут. Первое письмо с лишком месяц было в дороге, а ежели бы послано было прямо в Дрезден, то бы через шестнатцать дней могло притти. Теперь уж ты знаешь, где я, и последнее твое письмо было писано тогда, когда уже письма мои из Вены были близко Петербурга: ибо ты пишешь от 26, а курьеру по моему расчоту надлежало быть 27 или 28 в Петербурге. Последнее письмо к тебе и к брату послал я отселе с офицером нашим Сент-При¹, которое надеюсь ты дней через шесть получишь. Ты пишешь ко мне, что братнина свадьба отложена до моего ответа. Я очень благодарю брата за ево дружеское ко мне в таком деле уважение, но впрочем ежели подлинно он только для одново етова не сделал ее прежде, так уж его назвать можно излишним. Он знает, что всякое ево желание не может мне быть противно, как скоро он находит в том свое щастие. Надеюсь, что вы прежнее мое письмо верно получите, я об етом не распространяюсь; а только пожалуйста уведомяте меня о всем, что до сего касатся

---

*Часть 1 см.: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. – 1 (Новая серия). Тарту, 1994. С. 215 – 241.

будет, но обстоятельнее, потому что это меня очень интересует. Ты писала ко мне о деньгах: ежели ты можешь сама без нужды обойтись, то пожалуй дай: я охотно на это соглашаюсь. Жаль мне, что я во время отправления отсель курьера об этом не знал, а то бы прислал отселе таких вещей, которые по нужнее для сего случая; но я получил ваши письма уже спустя несколько дней после курьера; однако может быть из посланных к тебе вещей чтонибудь для етова годится. — Ну мой друг, теперь скажу тебе как здесь поживаем. В прошедшее воскресенье вздумал я представится здешнему двору. Поутру представлен был венским посланником (для того что наш болен) Курфиршту², жене его, сестре, двум братьям и их женам³. Все они удостоили меня своими разговорами. Вечеру был на куртаке, или по здешнему на парламенте, где пригласили меня с Курфирштиною играть в карты, в вист один роберт. На кануне того дня разослал я ко всем билеты, и ко мне также все прислали. После того звали на некоторые в здешних знатных домах собрания, а третьява дни у Курфиршта обедал. Завтра обедаю у венскаго посланника, а на вечер зван к первому здешнему министру Лосю. Хотя я в единственном говорю, однако нас двое, потому что где я, там и Павел Иванович, об этом ты можешь сказать батюшке его и матушке, что я без него никуда не езжу. Часто у меня спрашивают: Это ваш сын? а Курфирштина аногдась у меня спросила: Это атьютант ваш? — Поклонись пожалуйста от меня Ивану Павловичу и Анне Петровне и скажи им, что б они не взыскали на мне, что я к ним особливых писем не пишу, а впрочем были бы уверены, что я всякое попечение о сыне их имею. — Теперь настал пост⁴ и все здешния веселья прекратились: и так мы вечер почти всякой день проводим у министра нашего Местмахера, к которому часто приходят ктонибудь из посланников, или здешних, по полтине играть в рокомболь. Анагднясь речь дошла до Александра Ивановича и Катерины Алексеевны, он мне сказал, что с ними очень знаком по Остерманову дому и просил, что б я написал к ним поклон, также и к Натальи Ивановне с которою говорит, что часто игрывал в рокомболь. — Он старик очень доброй, и я его люблю. — До етих пор было здесь время все худое, мокрое; а дни с четыре тому назад сделалась прекрасная погода и так тепло и сухо, как у нас в июне месяце: я очень был рад етому и всякое утро ходил пешком гулять. Вчера попалась мне на встречу принца

Марияна, Курфирштова сестра, которая кажется предобряя и преласковая: она остановилась и долго со мною разговаривала. Окрестности здесь довольно хороши, и город невелик, что тотчас выдешь в поле, а ето и хорошо для пешеходной прогулки. Здоровьем своим хотя я не могу похвастать, ибо случаются такая времена, в которые тож все со мною делается что и прежде, однако ж не так часто и не так сильно: покрайней мере лекарства не всегда бывают нужны. Впрочем все ково я ни вижу единогласно советуют мне ехать в Карлсбад, только не прежде июня месяца, и что б наблюдать строгой диет. Но так как ето еще не от меня зависит, то не умею тебе ничево об етом сказать. — Ну моя душа, кажется все что на ум мне взбрело, я к тебе написал. — Прощай севодня. Пора ложится спать.

22 числа.

Я лишь теперь отобедав у венскаго посланника приехал домой, и так как почта отходит отсель завтра поутру рано, то я и спешу отослать ето письмо севодни, дабы завтра не опоздать. Казаринову от меня поклонись и поблагодари за приписку. Я желаю, что б тот соус, о котором он ко мне пишет, был ему всегда вкусен и не произвел ни малаго уменьшения в веселости его нрава. — Поклонись также Якову Ивановичу и всем моим знакомым. Катерину Алексеевну благодарю за приписку. Очень мне жаль, что вы теперь все вместе, а меня с вами нет; но так и быть. Прощай, моя душа. На етих днях ожидаю от тебя писем в ответ на те письма, которые ты с посланным отсель от меня курьером чайтельно получила, равно как и посылки, которые из Вены и отселе я послал. Засвидетельствуй от меня мое почтение Ивану Логиновичу и Катерине Ильинишне; также Осипу Михайловичу, коли его увидишь. Бог с тобой, будь здорова.

А. Ш.

Любезному брату Ардалиону Семеновичу приношу мой поклон. Я надеюсь, что ты письмо мое скоро получишь, оно послано с офицером нашим Сент-При; а за тем желаю тебе всево тово, чево ты сам себе желаешь. Только прошу уведомляй меня по чаще, что с тобою делатся будет, дабы я обо всем подробнее знал; а ежели тебе будет некогда, так заставляй Дарью Алексеевну. Про-

щай, братец, будь здоров и люби вернаго своего друга
Александрю

P. S. Забыл еще сказать тебе, друг мой Д. А. Ты все хлопчешь о доме. Хорошо коли найдешь гораздо по лучше егова и недороже тысячи рублей, а коли в етакую цену не сыщешь, или и сыщешь, да не лучше, то я бы по тех пор советовал оставатся в етом. Впрочем я отдаю тебе на волю, что хочешь, то и сделай. Я бы желал, что б вы с Ардалионом как нибудь сладили, что б жить не порознь, когда намерение его окончится, разумеется, ежели ето будет возможно и удобно: ибо мне кажется можно в етом и ему и нам найти свои выгоды. —

8

Дрезден, Марта 3/14 дня 1798 году.

Друг мой Дарья Алексеевна. Кучку писем твоих в торопости писанных я получил, и тебя за оныя благодарю. Ты уведомляешь меня о найме дома, а не пишешь чей он, то я и не знаю как на етом письме сделать надпись; надпишу в старой дом и поставлю побольше подателю, что б не поленился тебя от искать. В последних письмах своих ты беспокоишься, сомневаясь, все ли письма твои до меня дошли. Все, мой друг, только я получил их поздно, потому что оне делали не малой крюк, идучи сюда через Вену. Теперь уже ты давно о пребывании моем известна, и так нет никакой надобности посылать их через Вену, а пиши прямо в Дрезден на имя посланника нашего Местмахера. Я счень рад, что ты все посланные от меня вещицы получила. Благодарю за присылку денег, которые я получил исправно, а что ты удивляешься зачем я об них писал, то моя душа скажу, что здесь живучи денежки надобны, а что ты говоришь со мною их много, так то не мои. На содержание мое и на проезды жалует мне государь, но когда захочется что на свои прихоти издержать, на то надобно иметь свои собственные. Думаю я запастись здесь столовым бельем и рубашками, потому что сии вещи здесь слазятся, однако ж так как я цены им хорошенько не знаю, то я не худо ежели б ты меня об етом уведомила приценясь в Петербурге. Здесь скатерть в 18 локтей длиною с четырьмя дюжинами салфеток, самая тонкая и хорошая стоит 325 рублей; штука полотна тонкаго почти как батист и плотнаго в шесдесят локтей (или аршин) сто дватцать рублей. — Ето главные вещи. Впрочем ежели тебе что на-

добно, то не худо ежели бы ты той вещи, которую иметь желаешь, прислала образик и назначила петербургскую цену; я бы по етому образчику мог приискать и увидеть, сходно ли ее купить здесь или нет. — Я прилагаю при сем образик полотну, из котораго ты увидеть можешь, как оно в сравнении с петербургскою ценою. — Теперь могу я тебя обстоятельнее уведомить о моем пребывании. Я получил позволение ехать в Карлсбад, но так как воды пить начинают не прежде июня месяца, то и думаю я оставатся до тех пор в Дрездене, а в половине или в исходе мая ехать туда. Между тем хотелось бы мне для себя самого (а паче для Павла Ивановича) съездить в ближайшие отсель города, как то Лейбциг, Гамбург и проч., что б из любопытства побывать в них; и хотя кажется по данному мне позволению оставатся здесь до моего излечения могу я сие сделать, однакож поелику я имею еще время исполнить сие по получении ответа, того ради лучше разсудил я об этом спроситя. О сем писал я к Петру Алексеевичу Обрескову⁵ и письмо сие здесь прилагаю, отошли к нему; а буде паче чаяния он болен и никуда не выезжает, так как при отправлении курьера он лежал в постеле и насилу мог несколько строк написать ко мне, в таком случае съезди ты к Ивану Павловичу и поговори с ним об етом. Буде по его мнению надобно будет о том доложить, так по проси его, что б доложил. Впрочем так как сии маленькие поездки касаются до собственного нашего любопытства, то мы их на собственной свой щот сделаем, а предпритья и кончить их успеем потому, что в Карлсбад не прежде начинают съзжатся как в начале июня месяца, и так до тех пор мне ехать туда не зачем, а надобно дождатся того времени. — Меня Карлсбадскими водами многие здесь ободряют, а многие и пугают: говорят что действие их сильно, и что от многих болезней оне пользуют, однако ж не редко и вред приключают, а особливо ежели чуть кто от строгаго диета себя не воздержит. И так во все время приготавлиуюсь я осудить себя на всякое терпение и воздержание в пище, и все то с точностию исполнять, что мне предписывать будут. — По сие время благодаря бога я довольно здоров, хотя припадок мой не проходит и не могу обходитя без помощи лекарств. Сырая и холодная погода не позволяет еще много ходить пешком, однакож повертываются иногда и такие дни, в которые я стараюсь делать сие движение. Не далеко отселе есть сад или роща наполненная фазанами, а как я до всяка-

го рода птиц охотник, то часто хожу туда смотреть как они там летают и разгуливают. Ныне продолжается здесь экспозиция: то есть всякаго рода художники приносят все свои работы, которые они в течение года сделали, и выставляют их в отведенном нарочно для сего доме, на показ публике, и можно туда ходить всякой день по утру и после обеда. И так мы часто туда ходим, хотя и нет отменно хороших работ, однако ж довольно любопытно все сие видеть и читать имена, кто что сделал. Вот напрасно ты не пришлешь сюда соломенных своих картин^б, я бы их выставил. Между прочими вещами полюбился мне вышитой шелками фазан, и мне бы хотелось его купить, да не могу добиться толку продают ли. — Поклонись от меня Катерине Ильинишне, и поблагодари ее за письмо, которое, как кажется мне, писала она прежде, нежели мое письмо получила. Скажи ей что я во всех ея печалях или радостях истинное участие приемлю. Также по благодари Данилу Григорьевича за напоминовение обо мне. А Катерине Александровне скажи, что я десять червонцев ее получил, и буду стараться исполнить ее приказание, только истинно не знаю, что купить; янтаря здесь нет, однако ж денежки ее худо ли хорошо ли, но будут во чтонибудь превращены. — Поговори брату Ардалиону, что б он с Галициным сделался, как можно будет без убытка. — Крайне досадно мне слышать, что ты в письмах своих жалуешься на людей; что они пьянствуют, и что делаются в доме некоторые пропажи. Ежели наемные пьют, так можно их тотчас согнать, а ежели свои, так попроси ковонибудь, что б их хорошенько наказали. Воровства ненадобно ни когда оставлять без отыскания, и кто хоть раз у меня в етом приличится, тово уж я ни под каким видом держать не стану. — Ну прости, моя душа, бумаги уж немного остается, а мне хочется еще на щот Катерины Алексеевны немножко погулять.

Матушка Катерина Алексеевна, нынешняя — право, не знаю как назвать — и будущая — также не знаю. — Письмо ваше отдал я Местмахеру, и позвольте мне здесь на происходившую при етом акцию сделать некоторую обсервацию, и объявить вам мою спекуляцию. Он бедной болен в подагре, однакож когда получил ево, то откуда взялись ноги, какие пошли рассказы о гуляньях по дачам, о почтении, какое он к вам имеет, и что по вас может судить какая любезная женщина должна быть моя жена, по елику она вам сестра и проч. и проч. и ето с таким восторгом, с

таким удовольствием изъясляющим видом, что подагра при сих воспоминаниях уже ни под каким видом не осмелилась ни одной черты лица его наморщить. Одним словом старик мой сделался в пятнатцать лет. Воля ваша, а такое нежное напоминание о давно прошедшем времени — хоть кому в глаза бросится. Да и письмецо ваше, коли его по внимательнее разобрать — значит нечто: тут пришлось какая то чашечка, да уж я ныне со всем не та, и вы бы меня не узнали — подобныя выражения — одним словом, сказать пословицею Александра Ивановича — ой жена, ну уж что говорить! — однако шутки оставя, он право вас очень помнит и почитает, и хотел к вам сам писать, а между тем просил меня вам кланяться и Александру Ивановичу тож. — Прощайте, кланяйтесь от меня Александру Ивановичу, а любезному брату Ардалиону поручаю поклонится от меня Софье Александровне.

P. S. Образчики положу: 1й сто дватцать рублей 2й сто десять.

Может быть Петр Алексеевич, или Иван Павлович, скажут, что ето такое дело, о котором нет никакой надобности докладывать, и что ето само по себе разумеется, в таком случае ты только не замедли меня уведомить о их ответе. Да также на прошедшей почте писал я к Григорью Григорьевичу Кушилеву⁷ письмо о книгах, и может быть ему не удастся скоро ответ ко мне написать, то справя только получил ли он ето письмо и меня о том уведомь.

9

Дрезден. От 19 марта 1798 года.

Друг мой Дарья Алексеевна. Я уже начинал скучать, что так давно не имею от тебя писем; однако ж вчера получил, писанное от 2 марта, и сколько сперва ему обрадовался, столько после опечален был услыша о болезни Катерины Алексеевны. Усердно желаю, что б сие мое письмо нашло ее совершенно здоровою. Не знаю душа моя для чево тебе вздумалось послать ко мне письмо в Карлсбад. Я не прежде думаю ехать туда, как в половине мая, да ежели бы и уехал туда, то лучше бы было сюда написать, потому что отсюда ко мне тотчас бы переслали зная где я, а там никто не знает, что я за человек, и где нахожусь, то и не могут ево прислать сюда. Однако ж ежели оно не пропало, так я постараюсь ево отыскать. Катерину Ильинишну поблагодари от меня за приписку в твоём письме, и скажи,

что за это у ней цалую ручки. Особливаго письма не пишу к ней для того, что севоднишнею почтою не успею отправить, а напишу после. Удивляюсь я, что она в обеих письмах своих ко мне не упоминает получила ли она письмо мое и стихи, а кажется не льзя не получить, потому что оно послано в твоём конверте с Крепышем. Да скажи ей, что мадам Рек ей очень кланяется. Логина Ивановича от меня поздравь, и попеняй ему, что он на мое письмо ни словечка не отвечал, видно в новом чине за спесивел⁸. Перед сим писал я к тебе письмо, в котором вложено было письмо к Обрескову. Я надеюсь, что ты его скоро получишь, или уже получила. А о том письме, о котором ты ко мне пишешь, что б написать, я подумаю и может быть на будущей почте пришло. Севодня ничего не успел сделать, а завтра почта идет рано, и для того спешу сие письмо отправить, тем паче что уже пропустил несколько почт, и что ты от меня их ждать будешь и беспокоится. Во вчерашнем письме своем пишешь ты ко мне об издержках своих, об облигациях; видно ты что нибудь писала ко мне об этом в прежнем своем письме, но как я не получил его, то хотя ты и уверяешь меня, что все ясно ко мне описала, однако ж это ясное описание было для меня темно. Ежели есть что нибудь сомнительное мой друг в разсуждении получения своих денег, то ты можешь об этом посоветовать с братом, или с другим кем, какия взять меры что б своего не потерять. — Прощай моя душа. Поклонись от меня брату Ардалиону, также Якову Ивановичу, и всем нашим. Я благодаря бога от болезни своей не чувствую ни каких особливых нападков. Послал бы к тебе миниатюрной портрет свой, которой мне здесь написали, да первое не похож, а другое я боюсь что в письме на почте изломается или пропасть может. — Будь здорова и благополучна, помня вернова своего друга А. Ш.

P. S. Петрушка сказал мне, что ты севодня именинница, но мне кажется это не правда⁹. Я помню что то шестое или дватцать шестое, однакож он уверяет будто севодня. И как я хорошенько не знаю, забыл, то ежели это правда, так я тебя моя душа с тем поздравляю.

Друг мой, Дарья Алексеевна! ты найдешь здесь письмо к Ивану Павловичу, писанное с тем намерением, о каком ты

в письме своем ко мне упоминаешь. Хотя оно запечатано, однако ж так как я полагаю, что ты сама его отвезешь, то и прочитать у них оное можешь. В употреблении сего письма я совершенно отдаюсь на волю Ивана Павловича, как он заблагоразсудит, показать его или нет. Все что в нем написано о здешней дороговизне, есть сущая правда. И хотя щоты мои весьма умеренны, так что я в разсуждении их ни какой нужды оправдывать себя не имею, однако ж желал бы, что б умеренность их, при действительной и не ложной дороговизне здешней, была замечена. Ибо я смело скажу, что ни кто другой не мог их показать умереннейшими. А дабы Иван Павлович не удивился, что я пишу к нему о присылке денег для его сына, то ты пожалуй объясни ему следующее: во первых при отъезде нашем из Петербурга по причине его со мною вояжа нужно было совсем переменить прежнее мое положение: то есть вместо двухместной кареты, в которой я сбирался ехать, купить четвероместную, и следовательно везде по дороге брать лишнюю пару лошадей. Нанять для него особливаго человека с немалою запла-тою, которой хотя и дорог, однако служит ему хорошо и он им доволен; наконец собственное его содержание во все время нашего здесь пребывания. Ежели всему етому щот сделать, то он составит около следующей суммы: не считая покупки кареты (которую я уже на себя беру), но только пару лошадей, вся дорога наша до возвращения в Россию станет ему покрайней мере четыреста червонных. На содержание его здесь, то есть за квартиру, на стол, на чай и кофий, на найму иногда карет, и словом на все подобныя издержки, ежели считать по червонцу на день (положение самое малое) то в десять месяцев выдет триста червонных. Человеку на жалованье и на пищу сто дватцать пять червонных. И так вся сумма будет восемь сот дватцать пять червонных. Как ни умеренно полагал я здесь цены, однако ж я всячески стараюсь еще сколько возможно их уменьшить, так что может быть отпущенных с Павлом Ивановичем семи сот тритцати червонных на все это и достало бы до самага возвращения нашего в Россию, ежели б он не издерживал из них не малаго числа на собственные свои расходы и покупки. По сие время, то есть несбольшим в три месяца времени, перебрал он у меня на платье и на другия разныя покупки около двух сот пятидесяти червонных, а остается нам жить еще пять или шесть месяцев, и так ежели он в продолжение сего

времени еще столько же заберет, то на весь вояж его, на содержание как его так и человека его, из отпущенных с ним денег не останется более двух сот червонных. Из етова они увидеть могут надобность прибавки. Буде же Ивану Павловичу и Анне Петровне покажется, что я сыну их на собственные издержки и покупки много даю, то я и так за ето на него иногда ворчу, однако ж полагая, что сумма ета не такая большая, за которую бы они на него подосадовать могли, не препятствую ему в его желаниих. Вот, мой друг, что ты им сказать от меня можешь, а лучше ежели письмо сие им покажешь, дабы они знали à реу ргès во что им вояж сына их обойдется.¹⁰ — Ну что ж мне еще к тебе написать, кажется мне уж я в письмах своих обо всем тебя уведомил, что мы здесь делаем и как поживаем. Через две недели будет в Леибциге, (которой отселе верст семдесят) ярмонка; и так мы собираемся туда ехать, а потом возвратимся опять сюда, и отселе уже поедем в Карлсбад. Я с нетерпением буду ожидать от тебя писем, что б знать получаешь ли ты мои письма, которые я по почте тебе писал, также что б услышать лучше ли Катерине Алексеевне и совсем ли она выздоровела. По проси Якова Ивановича, что б он поклонился от меня Петру Алексеевичу Обрескову. Прощай мой друг. Кланяйся брату Ардалиону и всем нашим.

Верной твой друг А. Ш.

Дрезден. Марта 25 дня 1798 году.

Друг мой, Дарья Алексеевна. Я недавно к тебе писал и теперь опять начинаю, только не знаю когда к тебе ето письмо пошлю; стану продолжать покудова по больше накопится, а между тем ты подробнее будешь знать о приключаящихся со мною обстоятельствах, и о местах, где я теперь нахожусь. Теплой севоднишней воздух и ясная погода поутру вызвали меня со двора. Зашли мы к Местмахеру, которой садился в карету с тем, что б ехать загород прогуливатся. Он пригласил нас сесть с ним, на что мы согласились и поехали четверо: он, дочь ево, я и Кутайсов. Выехав загород и проезжая чрез весьма приятныя поля доехали мы до местечка называемого Реизевиц, где находится изрядной домик и сад, куда летом многие ездят прогуливатся. Не подалеку от сего местечка начинается лежащая между высокими горами узкая и далеко простирающаяся долина, известная под именем *Valée de*

ploun¹¹, и весьма прекрасная: горы идущие по обеим сторонам оной инде усыпаны большими деревьями, а инде суть каменные превысокие утесы, на которые смотреть страшно, и коих подошву омывает текущая по долине быстрая речка, называемая Веизериц. На крутизнах гор и в низу оных встречаются во многих местах селения, дома, мельницы, и не большие садики с плодовитыми деревьями. Через сию речку, неподалеку от местечка Реизевиц, сделан на арках прекрасный каменный мост с железными перильцами. Строитель сего моста был некто майор Винтер, котораго неприятели старались распусть слух, что мост сей непрочно построен, и что при малейшем наводнении сей речки быстрина воды его изломает. Винтер услыша о сем велел в стену сего моста вколотить железный крюк, с тем что б его на оном повесить, как скоро мост водою поврежден будет. Сей крюк и теперь торчит в стене, хотя Винтер уже давно умер, и не было никогда нужды совершить сей его строгий суд самому себе изреченный. В нескольких сажнях от сего моста сделан каскад, по которому вода быстро течет, и как по сей реке сплавливают в город дрова, то оные безпрестанно по ней плывут и падают с сего каскада, что делает зрелище сие и приятным и забавным. Обрадовавшись толь теплаго дня долго мы прогуливались по сей долине и нарвали несколько полевых цветков, начавших изрядно показываться. Напоследок поворотясь назад заехали мы в Реизевиц, где сидя в саду напились кофию, и поехали обратно в город. Отобедали у князя Путятина. После обеда пошли пешком в одно из предместий здешних, называемое Фридрихс-штад. Ето также весьма изрядная прогулка: вышед из городских ворот войдешь тотчас в Цвингер: сим именем называют некоторой замок, или немалую площадь окруженную зданиями, позади которых идет канал одетый камнем. В сих зданиях помещены кунсткамера, кабинет эстампов, большой зал для публичных собраний и проч¹². Прошед в ворота сего замка и по мосту чрез помянутый канал, и поворотя в правую руку представляется длинная улица, усаженная по обеим сторонам толстыми и высокими деревьями, составляющими прекрасный прешпект простирающийся до вышеупомянутой речки Веизериц, протекающей мимо Фридрихс-штада и впадающей в реку Эльбу. Между прочими домами и строениями, простирающимися по обеим сторонам сего прешпекта или алеи, находится длинное здание, в котором хранятся в горшках лимонныя, апель-

синья и других разных родов деревья, кои летом выносятся оттуда и обставляются ими площадь Цвингера. Прошед сию оранжерею встречается небольшой летний домик принца Максы¹³ с садом позади онаго и весьма приятными местами простирающимися до самой Эльбы. От сего домика поворотя в лево и прошед по каменному мосту, идущему чрез речку Веизериц, придешь в предместье Фридрихс-штад, от котораго в правую руку до реки Эльбы лежит обширный луг с прешпектами, идущими в разныя стороны, усаженными по обеим сторонам высокими деревьями, и составляющими весьма изрядныя места для прогулки. Проходя тут до самага вечера на возвратном пути зашли мы к Местмахеру, и потом пришли домой, где я взял в руки перо и ну к тебе писать. Ежели всякой день по столько буду марать, то напоследок столько накопится, что ты и в неделю не прочитаешь. Прощай, моя душа.

от 28 числа.

Поздравляю тебя, мой друг, с севоднишним праздником, светлым воскресением. Желаю, что б ты проводила его весело, и что б Катерина Алексеевна после болезни своей став здоровее прежняго в состоянии уже была качаться на качелях и скакать на доске. Любезнаго брата Ардалиона и Софью Александровну поздравляю с радостью, что пост прошол. — Мы здесь также постились и ходили в церковь, которая в доме у нашего посланника, маленькая, но весьма изрядная. Кутайсов говел и приобщался, а я нет; однако севодня был у обедни. Вчера в вечеру ходил я в католицкую здешнюю церковь слушать огромной музыки и пения¹⁴; севодня по утру там же был, и прошол оттуда во дворец с поздравлением к Принцу Антонию, у котораго на сих днях родилась дочь, потом на половину к Курфиршту для поздравления его с праздником. Обедали ж мы все, сколько здесь есть русских, у Местмехера. Севодни, как и у нас, все было здесь в самом величаишем наряде. Курфирштская фамилия вся в бриллиантах, придворныя дамы в богатых робах, посланники и весь город в лучшем своем одеянии. Гвардейской полк в параде: сей полк весьма хорошо одет и состоит из крупных и видных людей. Только придворные швейцары одеты были очень странно: в желтых коротеньких платьях с басонами,¹⁵ в парике весьма бело на пудренном и причосанном в пять

или шесть пуколь одна над другою, с маленькою на голове треугольною шляпою. — Прощай, моя душа, пора спать.

от 30 числа.

Погода здесь стоит прекрасная: дни такие как у нас в июне месяце. Я всякой день хожу раза по два за город: давич поутру был в Неиштаде¹⁶, то есть в части города лежащей по другую сторону Эльбы. Туда идешь через каменной широкий мост, и такое здесь обыкновение, что те, которые туда идут, должны итти по одну сторону моста, а те, которые оттуда, по другую, дабы не толкать друг друга идучи навстречу. В Неиштад многие ходят прогуливаясь, и я долго ходил пользуясь теплотою воздуха, а напоследок зашел посмотреть Курфирштовой охоты, то есть собак, которыми травят диких кабанов. Из них есть очень хорошие, но как я до етова не большой охотник, то и не слишком ими любовался.

от 31 числа.

Севодня проводил я своего Кутайсова с Крепышем, которые отсель поехали на неделю места или дней на десяток, я остался один с лекарем. Обедал я у Местмахера. После обеда наняли мы коляску и поехали гулять: сын Местмахеров, я и лекарь, доехали до местечка Лошвиц, которое лежит отселе верстах в пяти. Входили на высокую гору откуда Эльба далеко в обе стороны видна, также город и многия окрестныя вокруг его места. Прекрасным етим видом долго я утешался. Крутизна гор, на которых мы были, вся обработана под виноградную садку, так что нет ни где сажени неводеланной земли; только лесу здесь мало, и ето отнимает много приятности.

Апреля от 3 числа.

Севодня обедал я во дворце у Курфиршта¹⁷, и коли хочешь расскажу тебе все происходившее: поехал я туда в час и три четверти. В первой комнате, в которую входишь, расположен фронт солдат с офицером; прошед еще два большие покоя придешь в ту комнату, куда по утрам обыкновенно все собираются, а по вечерам играют в карты. В ней никаких украшений нет, кроме тканых обоев и простых часов в углу стоящих. При дверях, которые ведут во внутренние покои, стоят два поляка, одинакаго стана,

роста и даже лица; толстые и высокие мужичиницы, одетые в турецкое желтое платье. Курфиршт вышед подошел ко мне первому разговаривать, потом к каждому из предстоявших; поговоря откланялся, и пошел назад в те двери, из которых вышел. Мы званные к обеду пошли все наверх в столовую комнату. Мне указали место подле Курфирштши. Через две или три минуты Курфиршт с фамилиею своею пришел к столу. Он сел посредине, по левую руку у него сидела сестра его, а по правую дочь. Против него на другой стороне Курфирштша. Перед ними были золотые приборы, а перед прочими серебряные. За стульями у него и у жены его стояли по два пажа, одетые в серинькие кафтаны с серебряными галунами. За сестрою и дочью по одному таковых же пажу. За обедом Курфирштша много со мною разговаривала. Встав из за стола вышли в другую комнату, в тронную, где Курфиршт и сестра его подходили ко мне разговаривать: он спрашивал о плавании по бальтискому морю и о кораблях наших, а она подавала мне советы как в Карлсбаде при употреблении вод должно себя вести и какой наблюдать диет. После сих разговоров они откланявшись пошли во внутренние свои покои, а я поехал домой. — Ну, душа моя, кажется мне, я довольно тебе всяких историй насказал. Только скучно мне, что давно от тебя не имею писем, а восьлибо на будущей почте получу. Прощай и будь здорова.

От 4 числа.

Пора бы уж его письмо и отправить к тебе, но все дожидаясь не получу ли между тем от тебя писем. Погода здесь все стоит прекрасная. Севодни после обеда ходил я прогуливаться по берегу Ельбы, и зашел в один сад известный под именем бань, потому что тут есть ключ, из которого воду употребляют для ванн, почитая ее целительною¹⁸. В этом саду по воскресениям бывает музыка, и туда собирается разной народ, по большей части ремесленики и мещане, которые тут с женами и детьми ходят, а иные сидят за разставленными столами и попивают пивцо из жестяных кружечек. Простой народ одевается здесь не такмо опядно и чисто, но даже и нарядно; только уж лишней копейки в день не проест. Очень удивительно от чего здесь такое множество уродов. Когда на гулянье много людей бывает, то по крайней мере встретятся с тобою человек дватцать горбатых, карлиц и кривоногих,

а особливо робят; также с зобами на шеях. — Окончал я севодняшней день тем, что идучи из етова сада зашел я к Англинскому посланнику Элиоту, у котораго напился чаю, и прошел к Местмахеру, где остаток вечера проводил игрою в рокомболь.

От 5 числа.

Вчера некто князь Черторижский был у меня с визитом, и так я севодни поутру ходил к нему для возвращения онаго. Обедал дома. Ввечеру был у датского посланника Биллоу, у котораго было большое собрание; ужинали на двух столах. Вечер провели игранием в карты. Обыкновенныя игры здесь вист и рокомболь. Игрою занимаются не токмо все мущины и женщины, но даже и девицы. Мы играли в рокомболь четверо: баварской министр граф Шаль, ГанOVERской Бревер, я, и некто гишпанец маркиз де Круа. — Однако со всеми ужинами здешними мне очень скучно, мой друг, что я так давно не получаю от тебя писем. Ежели бы ты после последняго письма своего хотя через две недели отписала, то кажется надлежало бы уже мне ево получить. Не знаю что и думать.

От 9 числа.

Я уж сбирался было ето письмо к тебе послать, как вдруг приехал сюда Неплюев, и так как он завтра прямо отселе едет в Россию, то я посылаю оное с ним. Спешу только приписать к тебе несколько строк, и за хлопотами едва слова два сказать успею, для того что вчера он и еще человек десятков у меня обедали, а в вечеру были в гостях у одного Англичанина, от котораго я поздно возвратился. Севодня с самага утра все ездил с ним по городу, что б успеть показать ему здешния любопытства достойныя места. Также очень поздно возвратился домой, и завтра надобно по ранее опять ездить, для того что он в полдень спешит отселе уехать. — Приложенное при сем письмо отдай Катерине Ильинишне. Посылаю к тебе миниатюрной мой портрет. Списывал его с меня Похман¹⁹, и хотя он славится етою работою, однако ж кажется меня не потрафил. Может быть есть некоторое сходство, но карактер в лице совсем не мой. Павл. Иван. он лучше написал; тот портрет свой послал с фелдъегерем Беринсом в Берлин, думая что оттуда скорее будет случай его переслать: не знаю, получен ли он в Петербурге. Прощай, моя душа.

Апреля от 10 числа поутру.

Письмо мое уже было запечатано, и уж я проснувшись севдья сбирался итти со двора, как вдруг принесли ко мне твое письмо, которому я очень обрадовался. Ты пишешь мой друг, что б я тебя уведомил о моем возвращении, но теперь я тебе еще ничего верного сказать не могу, а еще успею написать об етом из Карлсбада. Очень рад, что вы уже переехали в новой дом, и что Катерине Алексеевне есть легче. Любезнаго Якова Ивановича благодарю за приписку. — Прощай, мой друг, больше теперь писать некогда, спешу запечатать опять письмо, и ехать опять с Неплюевым; так как я вчера назначил ему час, в которой буду, то чаю он меня уже ждет. —

12

Дрезден. Маия 4 числа 1798 года.

Друг мой Дарья Алексеевна! Между последним письмом, ксгорое писал я к тебе с Неплюевым и теперишним ты не получишь от меня никакова известия и может быть будешь скучать. Что делать, моя душа, так случилось, что я отъезжал на короткое время в Леибциг посмотреть ярманки, и очень доволен, что там побывал. Прекрасной городок, и так много всякаго рода хороших вещей, что загляденье. Между тем получил я от тебя два письма и очень обрадовался новости, что брат Дмитрий пожалован в полковники; только для чего ты не уведомила меня, получаешь ли ты от него письма, и там ли он остается, или в другое какое место переведен будет. В последнем письме своем ты скучаешь, моя душа, что я не буду нынешнюю компанию на море. Как же быть, мой друг; двух дел вдруг делать нельзя: очень я и сам сожалею о том, что не буду, но впрочем и здесь я не для собственных нужд своих живу. Сколько для поправления своего здоровья, а больше того за делом и притом очень заботливым, и так почему же должен отчаяваться в милостях? На конец скажу тебе, что я в подобных случаях никогда ничего не ищу, и расчетов никаких не делаю, а полагаюсь всегда на волю божию и что случится, тем и доволен. Советую и тебе также думать. Также изъясляешь ты, что возвращение мое в Россию не так скоро будет, как ты думаешь. Об етом и я, мой друг, очень скучаю; не легко мне жить здесь одному, порознь с тобою, и тогда когда вы все вместе, женитесь,

выходите замуж; веселитесь, и все это без меня; право бы я дорого заплатил, чтоб хоть на один день к вам прилететь, но опять скажу что делать? Даже и времени не могу тебе назначить, когда свободен буду отселе ехать, потому что это не от меня зависит; и теперь только то тебе сказать могу, что через две или много три недели я поеду отсель в Карлсбад, где, как думаю, надобно мне будет выжить шесть недель, после которых бы я тотчас отправился в Россию, ежели б то в моей воле состояло; но как я уже тебе сказал, что я не за одним тем живу здесь, что б лечится, но и по должности или службе, то и не знаю, не потребуют ли того обстоятельства, что б я долее здесь остался. Об этом тогда тебя уведомлю, а наперед ничего сказать не могу. — Со стороны здоровья хотя слава богу я чувствую себя гораздо лучше, однако ж не проходит без того, что б иногда меня не прихватывало. Перед отъездом моим в Лейпциг дней с пять мне дурно было, но после прошло. — Мне кажется, моя душа, что я тебе говорю о вещах не очень приятных, и так лучше севодня оставляю; почта отправится через три дни, то буду еще иметь время завтра и после завтра с тобою разговаривать. Прощай.

5 числа.

Севодня был здесь праздник. У одного из принцов здешних, то есть Курфирштских братьев, родился сын, которого с большим парадом крестили в католицкой церкви. Курфиршт с супругою своею принесли его на руках к олтарю, при котором крещение совершилось. Потом по окончании действия поднесли его к матери, которая на приготовленном нарочно для нее месте стояла на коленях. Мать приняв от них младенца отдала его штатс-даме своей, которая держа новорожденного на руках села в приготовленные для ней кресла, и потом в провожании многих кресла сии понесли во дворец. — Теперь уже я думаю получила ты письмо мое и портрет, которой послал я к тебе. Не знаю каковым ты его найдешь, но мне казалось, что он мало на меня похож. От Ивана Павловича получил письмо, и к нему на оное отвечал. Безпокойство их о том, что Павел Иванович просил их о позволении остаться в Дрездене, покуда я буду в Карлсбаде, произошло от того, что он не сказавши мне к ним об этом писал; а мне уж после сказал, когда письмо уже послано было. Желание его возбудили в нем в доме у князя Путятина, на сказав

ему тысячи веселостей, какия он иметь здесь может. Но после и сами увидели, и он то почувствовал, что они много наговорили ему ветру: и так охота его остаться здесь прошла, да хотя бы и не прошла, то бы я здесь его не оставил, не только у князя в доме, ни у ково. К Ивану Павловичу я об етом писал, но так как я считаю что его нет в Петербурге, то ты пожалуй в том же и Анну Петровну уверь. — Ну, моя душа, о чем бы мне еще с тобою поговорить? Кажется все сказал. — Здесь все стоит претеплая и жаркая погода; я дожидаясь земляники, которую, как ты знаешь, я очень люблю. — Апропо к земляники: пожайлуста ты не забудь сделать из ней варенья, да и побольше. Я не знаю для чего из ней не делают варенья, для меня оно всех лучше. — Поклонись от меня Муравьеву, и скажи, что я очень рад случившемуся с ним благополучию. Да отпиши мой друг ко мне, что делается с нашим имением²⁰; кто нам заплатил, кто остался должен; в разсуждении новаго банка я думаю надобно было согласно с оным все ето новым образом основать. Уведомь пожалуйста меня об етом. Прощай, моя душа; будь благополучна и здорова. Верной твой друг А. Ш.

13

Дрезден. Маия от 21 дня 1798 году.²¹

Друг мой Дарья Алексеевна, давно уже я не имею от тебя писем, и ето мне наводит скуку. Хотя я не могу на тебя пожаловаться, чтоб ты редко писала, однако ж желал бы всякой день об тебе слышать. Я по сю пору еще в Дрездене, но собираюсь уже ехать в Карлсбад и думаю, что дни через три или четыре конечно отправлюсь. Ты моя душа можешь теперь надписывать письма свои прямо ко мне в Карлсбад, или хотя и в Дрезден, на Местмахерово имя. Он ко мне их доставлять будет, и разность во времени выдет очень малая. Для того отдаю тебе на волю куда хочешь подписывай, только пиши чаще. Я уже взял от здешняго доктора направление, каким образом себя в Карлсбаде вести должно. Самое трудное нахожу, что надобно в пять часов по утру вставать и пить воду, и вставши так рано после обеда не ходить, не читать и не спать. Покрайней мере доволен тем, что землянику позволяют есть сколько хочешь, и уже с неделю тому назад как она здесь появилась. На етих днях ездили мы смотреть славной здешней крепости называемой Кенигштеин, которая стоит на высо-

кой каменной горе, и много в себе примечания достойного имеет²². Взошед на нее открываются такие прекрасные виды, что не хотел бы никогда разстаться с ними. Третьева дни также большою компаниею, человек с дватцать, ездили мы отселе водою в Меисен на фарфоровую здешнюю фабрику, там отобедали и ввечеру сухим путем возвратились назад. Ехавши водою встречаются такая приятныя местоположения, что нельзя на них довольно на смотреться. Часто мой друг мне очень жаль бывает для чево ты не поехала со мною. Ежели б отъезд мой из Петербурга не был такой незапной и скорой, то может быть сие бы и сделалось. — Я в бытность мою здесь достал несколько картинок, но еще не решился, что с ними сделать; с собою ли их привести, или отправить отсель в Любик, а оттуда на судах в Петербург, адресовав на твое имя. Думаю, надобно будет сделать последнее, потому что с собою вести очень громозко. И так может быть я решусь на последнее, и для того за ранее к тебе об етом пишу. В прочем хотя я тогда и буду к тебе обстоятельнее об етом писать, однако ж ты между тем разведай платится ли за них какая пошлина и к кому ето приходит в руки, что б тово человека ты на перед знала и от него наведыватся о присылке их могла. А ето можешь ты сделать, то есть узнать об етом человеке, по прося Якова Ивановича Грезнова, или Василья Александровича Казаринова, или брата Ардалиона. Они проведают к кому ето приходит в руки, и ежели положена с картин какая либо пошлина, то надобно будет се при получении оных заплатить; в числе етих картин будут также мой и Павла Ивановича портреты, то я и не думаю, что б с оных брали пошину, но в прочем ты обо всем етом наперед наведатся можешь. Когда уже я со всем решусь послать их, то о том, что они уже отправлены, и что именно уведомлю тебя через почту, и тогда уже ты дожидать их будешь. — Ну, прости моя душа. Будь здорова и благополучна. Прежде отъезда моего в Карлсбад еще буду к тебе писать. Поклонись брату Ардалиону и всем нашим. Остаюсь верной твой друг А. Ш.

Дрезден. Маия от 27 дня.

Друг мой Дарья Алексеевна. Письмо сие получишь ты не скоро, потому что человек, которой тебе ево отдаст пробудет несколько времени в Польше, и потом в Петербург поедет. Ето граф Серпonti, с которым я здесь познако-

мился, и с которым чрез сие письмо и тебя знакомяю. Наудачу взялся он отвезти к тебе отсель две соломенные шляпы, но я сомневаюсь, что б оне до тебя доехали. Впрочем потеря не велика, хотя бы он к тебе вместо шляп и простую солому привез. Я не пишу к тебе много для того, что ты прежде етова письма не одно от меня получишь, а ето пишу только с тем намерением, что тебе конечно приятно будет познакомиться с человеком, которой здесь со мною был знаком. Прощай, будь здорова и помни вернаго своего друга А. Ш.

14

Дрезден Маия от 27 дня 1798 года.

Друг мой Дарья Алексеевна. Севодня я пишу к тебе другое письмо, давич поутру написал к тебе с графом Серпontiем, которой у меня выпросил его, что б в Петербурге с тобою познакомиться, но как он не прямо туда едет, а пробудет долго в Польше, то ты и не скоро ево получишь. И так пришед в вечеру домой снова к тебе пишу с тем, что б отправить по почте. Больше уж ты писем из Дрездена от меня не получишь, потому что завтра еду в Карлсбад. Говорят что почта из Карлсбада не очень верна и письма часто залеживаются и теряются, для того хочу оттуда писать через Дрезден, также и тебя прошу моя душа подписывать их по прежнему на имя Местмахера; он ко мне их пересылать будет: ето гораздо вернее. В прежнем письме моем писал я к тебе, что хочу послать отселе через Любик несколько картин, в числе которых некоторые принадлежат Павлу Ивановичу, и на них его имя подписано. Теперь уже я решился ето сделать, и для того оставляю их здесь с тем, что б Местмахер без меня отправил их в Любик. Он меня уведомит, когда оне посланы будут, и я тогда пришло к тебе реестр. — Пишешь ты ко мне о перчатках: как скоро будет случай, то я к тебе пришло. С Серпontiем послал я к тебе две соломенные шляпы, он у меня выпросил послать их с ним, но не знаю довезет ли. Радуюсь видя из описания твоего, что молодой наш с молодою живут весело, и думаю что тебе по сие время с ними было нескучно. Всегда вас было много вместе, и очень не желаю чтоб ты осталась одна, для того надеюсь что как они вздумают ехать в деревню, то и ты с ними поедешь, хотя ты ко мне об етом и не пишешь. Одной тебе оставатся конечно будет скучно, и так старайся

быть вместе, препоруча кому нибудь письма мои к тебе и твои ко мне пересылать, ежели поедешь из Петербурга. О возвращении моем я ничего сказать не умею: проводи-вай об этом сама, ибо ежели ты можешь это узнать, то конечно узнаешь прежде чем я. Судя по обстоятельствам я опасаюсь что б мне долее здесь не пробыть нежели как я полагал или считал при отъезде моем. Одним словом об этом я еще впредь узнаю, а теперь ничего не ведаю. Желая только скорее с тобою увидится, и со всеми при-ятностями здешними, о которых я иногда в письмах моих к тебе пишу, очень скучаю о том что не вместе с тобою, и очень обрадуюсь, когда сяду в карету с тем, что б ехать в Россию. Хорошо быть в чужой земле, да не тому, кто оставил дом и разстался с родными своими. — Хотя уж двенадцать часов бьет, и пора бы уже спать ложиться, од-нако ж хочется еще с тобою поговорить. Я очень рад, моя душа, что ты портретом моим довольна. Но тот большой, которой через Любик посылаю, писал искусный здешний живописец Грав²³, и кажется мне очень похож. Я желаю что б он дошел до тебя скоро и верно. Ну что ж еще тебе сказать? Я слава богу довольно здоров. Погода стоит прекрасная, и среди дня жарко, то я и сижу по большей части дома в это время, а по вечерам хожу прогуливаться. Вчера ужинали мы у венскаго посланника Графа Ельста, и в четвером играли в рокомболь: он, Англинской послан-ник, Князь Плат. Алекс. Зубов²⁴ и я. Кажется уже я довольно к тебе написал, так что и свечка вся догорела. Завтра же идет почта в восемь часов поутру, и так надобно рано встать, чтоб успеть это письмо отправить. — Кланяй-ся от меня брату Ардалиону, невестке, и всем нашим. — Также засвидетельствуй мое почтение Ивану Логиновичу и Авдотье Ильинишне; а Логина Ивановича по благодари за его ко мне письмо, на которое теперь не отвечаю. За тем что дело стало в торопях, а напишу к нему из Карл-сбада. Впрочем это одно только письмо, которое я от него получил, а тех двух, о которых он упоминает, что прежде писал, я не получал, и не понимаю как они до меня не дошли. Скажи ему что я сердечно радуюсь всем его благо-получиям и желаю ему больше и больше. — Да не забудь также поклониться от меня Катерине Ильинишне. Прощай мой друг, будь здорова и благополучна. Верной твой А. Ш.

Карлсбад. Июня от 4 числа.

Друг мой Дарья Алексеевна! Последний раз писал я к тебе из Дрездена перед самым моим отъездом. Третьяго дни сюда приехал, или лучше сказать притащился, потому что ехал по такой дороге и по таким горам, что лучше было итти пешком нежели сидеть в карете. Один раз мы целыя сутки только дватцать верст переехали. Проезжая Саксонской городок Фрейберг, лежащей милях в четырех от Дрездена мы тут пробыли больше полусуток: ездили осматривать серебряные заводы и рудокопныя мины. Для осмотра сих последних надобно было надеть на себя рабочее платье и опустится сажень дватцать в землю по узкой, темной и крутой лестнице имея на груди у себя фонарь. Мне хотелось было туда сходить, но побоялся слабости ног своих и рук, также и кружения головы, которое у меня не редко случается. Даже и молодова со товарища своего не хотел пустить, но подумал что в его лета нужно любопытствовать и привыкать к отважности: итак благословясь пустил с Крепышем, лекарем и одним провожатым. Они пошли, и когда уж так глубоко опустились, что мне огня их стало невидно, тогда я струсил, и покудова они там были, то есть около часа времени, по тех пор был я в большом безпокойстве. Наконец очень обрадовался, когда огонь опять стал мелькать, и я увидел, что они оттуда замаранные и запачканные лезут вон. — Ну, душа моя, теперь скажу о здешних приключениях: вчера начал я пить воду, и выпивши шесть стаканов во весь день чувствовал головную боль и дурноту, сказали мне что ето ничево, и что на другой день надобно выпить восемь: севодни я ето и сделал. Голова перестала болеть и дурнота прошла, только действия ета вода надо мною немного сделала, и так завтра велят пить десять стаканов. — Прощай покаместь, здесь долго по вечерам не сидят.

От 6 числа.

Севодня был здесь бал, собрались в шесть часов, а разошлись в восемь. Надобно сделать тебе маленькое описание о здешней нашей жизни. Карлсбад стоит в долине, или лучше сказать в яме, окруженной со всех сторон высокими горами. Сквозь него течет маленькая речка. В одной стороне построены два зала, из которых в одном танцуют, а в другой так ходят, что б по сидеть, или сделать партию в карты, но последнее бывает очень редко. Подле одного

из сих залов не большая роща, в которую все по утрам и вечерам собираются прохаживаться. Поутру должно встать в пять часов и итти с стаканчиком к ключу пить воду, что продолжается часу до осмова; потом ходят еще по улицам с час времени, и расходятся в залы или по домам завтракать; а многие завтракают на улице. Против моего окна деревья, под ними живущие подле меня семьи всякое утро и после обеда сидят и пьют кофий, так что в спальном платье нельзя подойти к окну. Из наших русских здесь немного, граф Орлов с семьею, да еще человека два три. Главное мое упражнение состоит в том, что хожу по горам и играю на билиярде. Изредка хожу в театр. Из иностранцов с не многими познакомился, хотя госпожа Рек и со всеми меня знакомила. Я ласкою этой женщины очень доволен. Она приискала мне наперед дом, и когда я сюда приехал, то уж записка ее у ворот дожидалась, по которой тотчас меня проводили, и хозяева дома встретили меня как знакомого им человека.

От 9 числа.

Так я привык здесь шататься и бродить, что не нахожу времени подолее с тобой поговорить. Урывками пишу. Питье вод, утренняя и вечерняя ходьба, завтрак, обед, и запрещение ни над чем не сидеть, а особливо скоро после обеда, не оставляют получаса времени. Воды привели меня в некоторую слабость, так что я чувствую себя несколько хуже чем был. Уверяют что это к лучшему, и что действие их обыкновенно тем начинается. Надобно иметь веру и посмотреть что далее будет.

От 19 числа.

По сю пору не мог отправить к тебе етова письма, для того что нехотелось послать по почте, которая как говорят отселе очень не верна, и так дожидался оказии, что б переслать в Дрезден, и завтра едет туда один человек, с которым я оное посылаю. Третьева дни поехал отсель в Ригу некто Шилинг, я послал с ним к тебе дюжину перчаток, не знаю, моя душа, доедут ли оне до тебя. — Вчера отпустил я от себя своего лекаря, и для многих причин очень рад был, что его сжил с рук. — Ты найдешь здесь записочку, от наемнаго с нами человека Андрея к своему брату; отыщи пожалуйста его и отдай ему шестдесят рублей. Он меня об этом просил.²⁵ Ну мой друг что тебе

еще сказать? от питья вод хотя и чувствую я некоторую слабость, однако ж кажется оне приносят мне пользу. Отсюда после трех еще недель велят ехать в Теплицы и там дней десяток употреблять ванны и Эгерскую воду. О возвращении моем ничего тебе сказать не могу, ожидаю повеления. Крайне мне больно быть с тобою в разлуке, и может быть еще на некоторое время здесь оставатся, но что делать; обстоятельства так велят. Прощай, моя душа, будь здорова и благополучна. Кланяйся брату и всем. Цалует тебя верной твой друг А. Ш.

Посланы ли картины из Дрездена, не имею известия.

От 20 числа.

Письмо уже было запечатано, как получил от тебя письмо, и так распечатав еще приписываю. Очень хорошо, мой друг, что ты намерена ехать в деревню. Что тебе в Петербурге одной делать. Я знаю что ты трусиха и дома сидя всего будешь бояться; вообразится тебе что уже комета проходит и на тебя падает, и особливо на ту пору застучит карета, загремит гром, то и беда. Правда и в деревни можешь с индейками встретится, однако все лучше. — Главная твоя забота о письмах, но об етом ты, моя душа, не должна много сокрушатся. Мы с тобой не так близко друг от друга, то легко может иное письмо замешкаться или совсем не дойти. Мне кажется будто ты иных писем моих не получила. Напрасно ты не начала считать номерами, так бы скорее приметить можно было все ли получены. По крайней мере я теперь начну ето делать. Пусть будет ето первой номер. На других я стану подписывать второй, третий номер и так по порядку. — Делай и ты тоже с своей стороны. В разсуждении распорядения твоего о денгах, я очень им доволен; конечно лучше упустить нечто из доходов нежели не верно их поместить; а когда я возвращусь, тогда увидим что с ними делать; а по тех пор у себя их храни. Барон Местмахер пишет ко мне, что он картинки наши с Павлом Ивановичем, отправил в Любек, а оттуда на купецком судне повезут их в Россию. Павла Ивановича картины: ево портрет и восемь головок, на которых имя его подписано, а прочие все мои. — Ящик етот адресован на твое имя, и так ежели тебя в Петербурге не будет, то по проси тово кто при таможене, что б ежели получена будет на твое имя из Любика посылка, то б отдали ее кому ты поручишь, и всево лучше Ивану Павловичу, а

пошлин сколько следует за мои картины, ты заплатишь, а сколько Павла Ивановича, то он заплатит. Кажется пошлины по рублю с квадратнаго фута. Ну прощай, моя душа. Судя по твоим словам письмо ето получишь ты в деревне. Кланяйся от меня Александру Ивановичу и Катерине Алексеевне, и скажи им чтоб они прислали мне хлеб из той ржи, которую я у них посеял. Также Андреяну Ивановичу и Василью Семеновичу от меня поклонись. Прощай, здесь не велят ни как сидеть, а я как засяду к тебе писать, то и гулянье в сторону. —

Карлсбад июля от 5 числа 1798 году N 2.

Друг мой Дарья Алексеевна, не давно получил я от тебя письмо, по которому считаю, что ты уже теперь в деревне, и как ты писала ко мне, что б письма подписывать на имя Ив. Петр. Баллея, то уж я и послал чрез него одно, а ето посылаю другое. Ты говоришь, мой друг, что мне в Карлсбаде весело: правда что по весьма особливому роду жизни, какой здесь ведут, не могло бы быть скучно; потому что здесь и дома и у ключей и на улице и на гулянье и в зале всегда в обществе и на людях; ежели и дома сидишь, то видишь по минутно мимо окон твоих ходящих людей, с которыми почти нельзя не познакомиться, для того что со всяким из них раз пять в день увидишься. Публика здешняя состоит человек из четырех сот или более, из которых всякой день иные уезжают, а другие вновь приезжают. Сие собрание людей всякаго звания, всех наций, и простота господствующая в обращении, могут весьма быть приятны для человека любящего быть всегда в обществе. Говорят еще, что нынешней год съезд очень мал и далеко не так весело, как прежде и прошлова года было. В день Петра и Павла граф Орлов давал здесь праздник²⁶, которой продолжался три дни: на кануне был концерт; в самый праздник бал с огромным ужином, иллюменациею и феиерверком; а на другой день театр также иллюменованный, и на котором горело вензловое ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА имя, пред коим хор юнош и девиц пели кантату. На бале все были в полном наряде и в бриллиантах. Женщины к етому дню так много заказали новых платьев, что здешняя *marchande de mode* со всею своею поспешностию пятнатцати пар заказных платьев не успела сшить. Первенствующая из дам здесь Курляндская герцогиня, женщина премилая и

преласковая²⁷. Ну мой друг я отбился от материи, заговорил тебе о том что по всем вышесказанным мною причинам могло бы здесь быть не скучно; однако ж скажу тебе, что для меня не очень весело, первое потому что на верное еще не знаю возвращатся ли мне в Россию или здесь еще поездить должно будет; второе потому, что я от Карлсбадских вод по сю пору не получил ни малаго облегчения, напротив чувствую себя хуже нежели был. Кажется и действие имели оне надо мною такое, которое должествовало бы пособить, и доктор по приезде моем сюда распрося о моей болезни сказал, что он не знает еще примера что б оне в етом недуге кому нибудь не помогли. И так я очень уверен был в их помощи, но теперь начинаю сомневатся. Обыкновенно в таких случаях разные слышишь толки; одни говорят, что оне после помогают; другие, что надобно их сряду два года пить, а без того оне непомогут, и так далее; первое сомнительно, а второе хорошо для тех, которые близко от них живут. Скоро я перестану их употреблять, и хотел отселе ехать в Эгер, пить тамошние воды, которые как говорят укрепляют желудок, но доктор здешний посылает меня в Теплицы, что б там садится в ванны, и взяв с собою Эгерскую воду употреблять оную вместе с Теплицкими банями. Надобно во всем слушать их, хотя для того единственно, что б после себе не упрекать. Ты знаешь какой я до фруктов охотник, и какое их здесь изобилие, но не велят есть; даже и земленику запретили. Кроме жаренова мяса и хлеба ничего почти не позволено. Да уж пусть бы говел, и видел от того себе пользу, но того то и нет. — Ну прости душа моя; я много тебе о своей болезни наговорил, но ето больше от скуки, что она неистребляется во мне, нежели от того что б чувствовал ее в себе усиливающуюся. Прощай и будь здорова.

От 6 числа.

Ты пишешь ко мне, что б уведомить тебя на какую контору адресованы посланные из Дрездена картины; я и сам етова не знаю, и что б уведомить тебя о том надобно списаться с Местмахером, да вряд и он знает ли, потому что он послал их в Любик к своему корреспонденту, а того может быть и не знает к кому тот их адресует. И так отпишу к тебе когда сам об етом осведомлюсь. Еще ты пишешь, что брат Ардалион всякой день ездит на биржу и

покупает картины. Жаль мне ежели он употребит на это знатное число денег. Ни в чем так обманутся нельзя, как в етом. Лучше бы он отписал ко мне, что хочет на это употребить известную сумму, и прислал бы денег сюда, так бы я ему и дешевле и хороших здесь достал. Советник его видно мало толку знает, ежели фламандскую нашу оценил в сорок рублей. По таковой ошибке он легко может оценить в сто такую, которая пяти рублей не стоит. Правда и здесь не сыщешь их за безценок, однако все сходнее чем у нас, потому что в Дрездене етова рода художников очень много. Местмахер пишет ко мне, что оне уже посланы, только неизвестно скоро ли корреспондент его в Любике найдет такое судно, на котором их отправить; а потому и времени, когда оне привезены быть могут в Петербург нельзя назначить. Прости, моя душа, я завтра или после завтра собираюсь отсюда ехать. —

Теплицы от 10 числа.

Я вчера сюда приехал, простившись с Карлсбадом и с знакомыми, которых там нажил, в надежде через несколько дней опять с ними увидится, потому что большая часть из тех, которые в Карлсбаде пьют воду, окончавши там, приезжают сюда садится в ванны. Я наехал здесь многих из тех, которых с начала там видел. Также и русских нас здесь довольно число: семья графа Орлова, князь Зубов самтретей, Ильинской с женою и с сестрою, Корсаков, Ширий, Буасонет и мы; да еще одна русская дама, которая уже сделалась немкою вышед за муж за одного здешняго графа, а была сказывают Апраксина, племянница Натальи Ивановны; с нею я незнаком, а только видел ее на бале. — Здесь не так как в Карлсбаде, нет таких мест куда бы все вместе сбились, а потому и не так весело. Только здесь сад хорошей и большой, в котором всегда гулять можно, также и окрестныя места очень хороши. Едучи из Карлсбада заезжал я в славный сад графа Чернина называемый Шенгофен; он лежит на половине дороги между Карлсбадом и здешним местом. Правда что очень хорош; строитель онаго воспользовался и горами и буерагами и маленьким лесом и большим: и изо всего етова сделал множество приятных мест; больше всего полюбились мне: во первых ничем не поддерживаемой мост, на подобие нашего Кулибинскаго²⁸, которой через весьма глубокий буераг идет с одной горы на другую; во-

вторых высокая каменная беседка, с превеликими окнами составленными из множества разноцветных стекол, так что когда ввечеру освещена бывает люстрами, то кажется быть иллюминированною разными огнями; на самый верх ее можно всходить по идущей во круг ее каменной лесенке, и оттуда во все стороны вид чрезвычайной. Потом представилась нам прямая широкая алея, длиною в две тысячи шагов, при конце которой делают обелиск; сия алея ровная и прямая лежит однако ж не на ровном месте, но на горе, так что идучи по ней всю окрестную сторону под сей горой лежащую далеко видеть можно. Оттуда сошли мы в низ сей горы, где нашли большой пруд с мостиками, омывающий подошву оной; от сего пруда перешед чрез зверинец вышли на прекрасную площадку, с большою круглою беседкою, против которой с крутой очень горы между лесом по обеим сторонам спускается каскад. Вода по нем не всегда течет, но только тогда пускают, когда есть зрители. Момент когда ее пустят очень хорош: с такой великой крутизны начинает она падать быстро, пенясь и с шумом; но длина каскада так велика, что он не прежде как через четверть часа весь ею покроеся.

От 13 числа.

Я к тебе пишу часто, но чувствую, что ты редко письма мои получаешь, для того что я одно письмо в разные дни долго продолжаю писать. Здесь моя душа весьма запрещают сидеть много над письмом, и я не иначе пишу как урывками, и на то насилу нахожу время. Вот я какую жизнь здесь веду: надлежало бы в шесть часов вставать, однако я по большей части встаю в семь. С час проодеваюсь и пойду в сад, где прохаживаясь надобно выпить семь стаканов воды, один после другога через четверть часа. Домой возвращаюсь в девять. Через полчаса завтракаю. В десять часов надобно садится в ванну и сидеть полчаса. Потом одевшись должно опять итти, что б с час времени или около того прохаживается в саду или загородом. После того обедать; обедаю же я редко дома, но либо у графа Орлова, либо у князя Зубова, либо у Ильинскаго. После обеда часа два или более отнюдь не велят низачто приниматься; а часу в пятом опять ходить; тут придет время итти или в театр или на бал; а потом возвратясь домой спать, и на другой день ту же историю начинать с нова. По этим самым причинам как в Карлсбаде так и здесь в Те-

лицах, ничего кажется не делаешь, а минуты не имеешь свободного времени. Вот уж я здесь несколько дней, а по сю пору не собрался сходить к Курляндскому герцогу, к принцу де Линь и к другим некоторым, с которыми в первой самый день приезда моего рекомендовался на бале. — Прости, моя душа, пора бы уже мне отправить к тебе его письмо, а то так живучи в деревне скучать будешь, что от меня давно писем не имеешь. Кланяйся от меня своим хозяевам Александру Ивановичу и Катерине Алексеевне, также Андреяну Ивановичу и Василью Семеновичу, ежели их увидишь. — По письмам твоим брата считаю теперь в его деревне; кто то из них ково станет учить экономии, он ли жену свою или она его? — Как бы обрадовался ежели б в октябре или хоть в ноябре мог к вам приехать и найти вас всех вместе! но етова еще не знаю, а думаю что скоро получу разрешение, возвратится ли мне должно или здесь еще оставатся, и тогда тебя уведомя. —

От 15 числа.

Завтра поутру отправлю я сие письмо в Дрезден, с тем что б оттуда по почте его к тебе послали. Ванны здешние и Эгерская вода кажется мне не множко меня поправили, так что я чувствую себя несколько поздоровее, и поутру не с такою тягостию просыпаюсь, как обыкновенно. Посмотрю, что далее будет. — Ну мой друг не знаю уже что более к тебе писать. Кажется и о садах и о жизни здешней и обо всем рассказал. Прощай и будь здорова. Остаюсь верной твой друг А. Ш.

P. S. В прежнем письме моем писал я к тебе что б ты отыскала брата наемнаго человека нашего Андрея, (я послал записку где его отыскать), дала бы ему шесдесят рублей денег. Ежели ето письмо не найдет тебя в Петербурге, а получишь ты его в деревне, то пожалуйста перешли денги и поручи кому нибудь, что б его отыскали и ему отдали. Брат его меня здесь об етом просил, и я обнадежил его что он получит.

№ 4

Тéплицы от 31 июля 1798 году.

Друг мой, Дарья Алексеевна! Живучи здесь я получил от тебя два письма, последнее от 6 июля, которое третьевадни привез ко мне Дивов. Ты в безпокойстве, что

давно не имеешь от меня писем: по исчислению времени кажется надлежало бы уже тебе получить то письмо, которое писал я из Карлсбада, и после котораго сие уже четвертое пишу. Я приехав сюда думал не долее двух недель здесь оставаться, однако ж лекарь настоял в том, что б я четыре недели прожил, и так я через неделю от ныне думаю ехать в Дрезден. Ты пишешь правду, моя душа, что я имею уже повеление возвратится в Россию, однако ж поджидаю еще на мои письма ответа, которой судя по времени надлежало бы уже мне получить, но я не получил еще онаго, и не знаю подтвердится ли в нем или переменится данное мне повеление. А потому и не могу тебе о времени возвращения моего ничего на верное сказать. Ежели не остановят меня, то я в половине или к исходу августа поеду в Берлин, и к концу сентября надеюсь с тобой увидится. Впрочем как бог велит, — и буде противное случится, то я тогда тебя уведомя, где буду, и куда ты ко мне писать можешь. Ежели из теперяшнего расположения ничего не переменится, то я думаю, что застану еще тебя у Александра Ивановича в деревне. — Ты пишешь, что б я письма свои подписывал в Нарву и на почту Поля; это очень хорошо, и лучше чем проходить в Петербург, и потом опять назад возвращатся в Нарву, но ты не догадалась, мой друг, отписать ко мне об имени Нарвскаго почтмейстера. Всего бы лучше его об етом попросить, я и думаю сделать, хотя не знаю, кто он такой и как его зовут. — Ну теперь скажу тебе, моя душа, о моем состоянии: по сие время пил я здесь Эгерскую воду, о которой сказали мне, что непременно надобно ее употреблять, потому что Карлсбадская вода расслабляет очень внутренность, а ета укрепляет; однако ж как видно она мне пришла не по натуре, я стал себя гораздо хуже чувствовать, и для того ее оставил, а употребляю одне ванны, только и от тех большой помощи невижу, а разве после какое нибудь добро от них почувствую. — В разсуждении жития здешняго довольно не скучно: сад большой и прекрасной в десяти шагах от дому, другой с версту, также очень приятной; в них всегда встречаешся с людьми, можешь завтракать. Подле меня живет герцог Курляндской, дом очень семьянистой, хозяйка преучтивая и шреласковая женщина. Вчера они давали бал, и она сперва напустила на меня старшую свою дочь, а потом и сама подошла усильно звать меня танцовать, однако ж я выдержал свой характер, и при всей честной публике

начисто им отказал. После того она подошла ко мне и говорит: ежели вы не хотели со мной танцевать, то по крайней мере должны пулю в бостон с играть; тут уже я сказал: ето мое дело, коли угодно, хоть две. — Ну моя душа что ж мне еще тебе сказать? Отсель до Дрездена думаю я ехать рекою; сказывают, что берега Эльбы очень хороши, и так хочется их посмотреть; не знаю еще могу ли найти также судно, на котором бы и карету мог взять с собою. Где то теперь мои картины? Может уже плывут по бальтискому морю. Очень бы я желал, чтоб ты о них получила скорее известие. Последнее письмо мое отсель под N 3, писал я к тебе с Петербургским банкиром Буасонетом, и рассказал ему, что б он приехавши в Нарву осведомился не тут ли ты, и буде тут, то бы повидался сам с тобою. Не знаю случитссяли ето. Ну прости мой друг, пора отправлять почту. Кланяйся своим хозяевам и всем кто обо мне спросит. А о брате ты напишешь, долго ли он с вами пробудет: как бы я обрадовался, ежели б в исходе сентября очутился у вас и всех вас наехал вместе. Добро, что бог велит, то и будет. Цалует тебя верной твой друг А. Ш.

Дрезден. Августа от 12 дня 1798 году.

N 5

Друг мой Дарья Алексеевна. Я три дни тому назад приехал сюда из Теплиц, и по приезде моем получил от тебя письмо июля от 20 числа. Весьма меня удивляет, моя душа, что ты с тех пор как я поехал в Карлсбад ни одного от меня письма не получила, а я между тем уже пятое к тебе пишу, и первому кажется давно бы уже надлежало до тебя дойти, и мне очень жаль ежели ты его не получишь, а ето легко может статся вот почему: ты писала ко мне, что б надписывать письма на имя Ивана Петровича Балея; я ето и сделал, прося его особливим письмом, чтоб он приложенное на твое имя письмо переслал к тебе. Сие письмо для отправления в Петербург послал я в Дрезден к Местмахеру, а ныне приехавши узнал от него, что он написав к тебе свое письмо, в котором уведомлял тебя о посылке картин, баллево письмо завернул в свой конверт и надписал его на твое имя в тот дом, где ты жила. И так я не знаю, моя душа, остался ли кто к доме такой человек, которой бы письмо ето принять и к тебе переслать умел. По расчислению моему ты бы давно уже получить

его должна была. После того надписывал я письма свои к Нарвскому почтмейстеру, котораго имени хотя и не знаю, однако ж просил его что б он письма мои к тебе пересылал. Из Любика здесь уже ответ получен, что картины мои в исходе июля оттуда отправлены и адресованы к банкиру Меибому. Ты бы обо всем етом уже известна была, ежели б письмо Местмахерова (в котором и мое как к тебе так и к Баллею вложено было) получила. Но теперь я крайне опасуюсь, что картины привезены будут, а ты об них не узнаешь. Хорошо, моя душа, ежели бы ты взяла такую осторожность, чтоб в доме оставшемуся человеку приказала, что когда на имя твое будут письма или какая посылка, то дали бы об етом знать кому нибудь такому, которой бы и тебя тотчас уведомить и посылку ету выручить и принять до тебя мог. — Я теперь с нетерпеливостью ожидать буду твоих писем, что б узнать, получила ли ты из четырех хоть одно мое письмо. На теперешнее письмо уже ты отвечать ко мне не можешь, потому что я через десять или двенадцать дней отправлюсь отселе в Берлин, и пробыв там неделю или полторы буду пробираться в Россию. До сих пор расположение мое такое, но как я нанекоторыя мои письма ожидаю ответа, то легко статся может, что и остановлен здесь буду; в таком случае я не умедлю тебя уведомить, что б ты знала, куда ко мне писать. — О состоянии здоровья своего скажу тебе, что я после питья Карлсбадских и Эгерских вод, также и после дватцати шести теплицких ванн, все таков же как и прежде был; чувствую и вижу в признаках болезни своей некоторыя перемены, но к лучшему ли оне, время покажет. Однакож теперь я несколько получше, нежели как находил себя во время самага их употребления, и так может быть что действие их сильно меня разстроивало, но что после и принесут они мне хотя некоторую пользу. — Ну мой друг кажется я все то тебе сказал, о чем сказать хотел. Почта пойдет еще после завтра, однако ж я пишу севодня, потому что завтра может быть неудастся, мы рано поутру едем в одно здешнее местечко верст за дватцать отселе, и ежели рано возвратимся, то я еще что нибудь к тебе напишу. Прощай, моя душа. —

От 13 числа.

Мы теперь лишь возвратились: ездили обедать в местечко называемое Тарант, где видели множество прекрасных

окрестностей, гор и долин. Хотя я очень устал, однако ж хочется еще написать к тебе хоть несколько строк. — Теперь я письма свои надписываю к Нарвскому почтмейстеру, прося его что б он к тебе их пересылал; хотя я не знаком с ним, однако ж надеюсь, что он меня етим одолжит, и кажется через него ты их верно получить можешь; но всего бы лучше, мой друг, ежели бы вместо письма я сам приехал. Дай бог что б ето мое желание сбылось. — Буде паче чаяния ты получишь ето письмо прежде нежели знать будешь о посланных картинах, то поскорее отпиши к Петру Ивановичу Новосильцову, или к кому ты лучше разсудишь, что б справились об них у Неибома, и запла-тя сколько надобно пошлины оставили бы их у себя до твоего приезда. — Ну прощай, мой друг. Кланяйся своим хозяевам, и брату с невесткою, коли они еще с вами, также всем нашим знакомым и приятелям. Цалую тебя и остаюсь твой верной друг А. Ш.

Дрезден. Августа от 20 числа 1798 года.

Друг мой, Дарья Алексеевна. Вчера получил я от тебя письмо, в котором ты хотя и не хотела мне пенять, однако ж довольно на пеняла. — Из последних писем моих (ежели получишь) увидишь ты, сколько я беспокоился, считая, что письмо Местмахерово (и мое тут же) до тебя не дошло: теперь очень доволен слыша, что ты его получила, и что есть кому в Петербурге принять посланные картины, когда оне туда привезены будут. Надеюсь что и другия письма мои ты получишь, которая разрешат твое сомнение и вопросы, какие мне делаешь. Ты о возвращении моем в Россию неверно рассчитала, моя душа: сочти что мне шесть недель надобно было выжить в Карлсбаде и с лишком четыре недели в Теплицах; но я еще сократил несколько предписание докторское. Теперь уже я дней с десять в Дрездене и ожидал на некоторыя письма мои ответа, которой вчера получил. Ни что меня более здесь не держит, и так я надеюсь через три или четыре дни отправится, и ето время остаюсь только затем, что б откланятся Курфиршту. Поеду я отселе через Берлин, где может быть с неделю пробуду. И так рассчитывая путь свой я надеюсь, коли бог велит, в исходе будущего месяца с тобою увидет-ся. Нехудо ежели б мог я тебя (а еще лучше бы всех вас) найти в Нарве, так что бы уже вместе ехать в Петербург; однако ж ежели в етом будет какое затруднение, или на-

добно будет тебе одной ехать в Нарву, то лучше живи в деревне, я мимо вас не проеду, но только надолго заехать мне будет не ловко. Ежели согласитесь приехать в Нарву, то наймите домик и приезжайте туда к двадцатому числу сентября. Впрочем как хотите, только ты сама знаешь, что я в деревню к вам больше не могу заехать как разве на одни сутки. — Ну что ж мне еще к тебе написать? — Ты пишешь ко мне, что перчаток посланных с Шилингом, также и шляп соломенных с Серпонтием не получила; это очень не мудрено, мой друг: тебе трудно их отыскать, да и им тебя нелегко; и так может быть вы и долго друг друга проищите; но беда не велика, я и послал их наудачу. Новости твои обе для меня были приятны; ежели будешь писать в Петербург к Варваре Ивановне, то напиши к ней, что я услышав от тебя о приезде ея в Петербург, очень тем обрадован был. На вопрос твой о белье скажу, что я кажется довольно им запася. Ну прости, моя душа; будь здорова и дай бог нам скорее с тобою увидится. Я уже не думаю больше к тебе писать, разве какой особенной случай будет. Из Берлина хотя и мог бы еще написать, но как я не думаю пробыть там больше недели, то кажется и не длячего; однако ж может быть еще напишу. Кланяйся от меня всем нашим. Прости. Цалует тебя верной твой друг А. Ш.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Видимо, имеется в виду граф Эммануил Францевич Сен-При (1776—1814), в будущем генерал-лейтенант и генерал-адъютант, начальник штаба армии Багратиона, смертельно раненый в бою под Реймсом (его портрет помещен в Военной галерее Зимнего дворца). Его отец — известный французский дипломат, посредник при заключении Кучук-Кайнарджийского мира, военный министр при Людовике XVI — эмигрировал в 1791 г. Россию. Гр. Э. Ф. Сен-При, блестяще образованный молодой человек, вступил в русскую службу в 1793 г. В 1795—99 гг. был офицером Семеновского полка. Его брат граф Карл Францевич Сен-При (1782—1848) был отцом известного карикатуриста, упомянутого в «Евгении Онегине».
- 2 *Курфюршт* — Фридрих Август (1750—1728), Саксонский курфюрст под именем Фридриха Августа III Справедливого (1763—1806), затем король Саксонии под именем Фридриха Августа I (1806—1827). По польской конституции 1791 г.

стал наследственным польским королем. В 1769 г. женился на Марии-Амалии-Августе, дочери пфальц-графа Ф. Пфальц-Цвейбрюкенского. Имел от этого брака только дочь, поэтому наследником престола считался его брат Антон, с 1827 по 1836 г. — король Саксонии. Курфюрст Фридрих Август III ревниво относился к своей власти и не допускал ни принца Антона, ни другого своего брата Максимилиана, ни мать (Марию-Антонию Баварскую, дочь императора Карла VII) к вмешательству в государственные дела. Не обладал большим государственным умом, однако провел в Саксонии полезные преобразования (отмена пытки, упорядочение судопроизводства, финансов и др.).

В 1806 г. Фридрих Август вступил в союз с Наполеоном, перед которым преклонялся; получил от Наполеона титул короля Саксонии и великого герцога Варшавского. Союз пагубно сказался и на судьбе Саксонии, которая была разорена континентальной блокадой и войной, и на судьбе самого Фридриха Августа: после Лейпцигской битвы он попал в плен, а вице-королем Саксонии был назначен князь Репнин. По решению Венского конгресса, Фридрих Август был освобожден, но утратил титул герцога Варшавского, а также часть территории Саксонии, отошедшей к Пруссии.

- 3 Календарь на 1798 г. сообщает о Саксонии и о саксонской династии следующие сведения: «Саксония [*в примеч.:*] Столичный город Дрезден, на реке Елбе, в Мейссенском Маркграфстве. Географическая онаго широта 51 град. 2 мин. 54 сек., долгота 31 град. 21 мин. Число жителей простирается до 40 000. Разстоянием от С. Петербурга 1634 версты] (*Римско—Катол. Зак., Албертинской или Курфюрстской линии*). Курфюрст: Фридерик Август, 48 лет, родился 12 Декабря; в супружестве имеет Фальц-Графиню Цвейбрикскую, Марию Амалию Августу, 46 лет, род. Апреля 29. У них: Принцесса Мария Августа Антониа, 16 лет. Братья и Сестры: 1) Принц Антон, 43 лет; в супружестве имеет Марию Терезию Ерцгерцогиню Австрийскую, 31 год. 2) Принц Максимилиан Емануил, 39 лет; в супружестве имеет Каролину Марию Терезию Принцессу Пармскую, 28 лет. У них: Принц Фридрих Август Алберт, 1 год. Принцесса Мария Амалия Фридерика, 4 л. Принцесса Мария Фердинанда 2 лет. 3) Принцесса Мария Амалия, 41 год <...> 4) Принцесса Мария Анна Антония, 37 лет. Дяди и Тетки: 1) Принц Франциск Ксаверий, 67 лет. 2) Принц Албрехт Казимир, Герцог Саксен-Тетенской и Императорский Генерал-Фельдмаршал, 60 лет; в супружестве имеет Марию Христину Ерцгерцогиню Австрийскую, 56 лет. 3) Принц Климент Венцель, 59 лет <...> 4) Принцесса Мария Елисавета, 62 лет. 5) Принцесса Кунигунда, Абтисса в Ессене и Торне, 58 лет» (Краткое родословное показание ныне здравствующих и владеющих

- Высоких Государей и Княжеских фамилий, сочиненное по алфавиту на 1798 год // Месяцослов на лето от Рождества Христова 1798. . . СПб., 1797. С. 117—119).
- 4 В конце XVII в. саксонский курфюрст Фридрих Август Сильный, стремясь к польской короне, перешел в католичество, а с 1717 г. вся династия стала католической, что осложнило ее отношения с монархами других протестантских государств. При католическом дворе великий пост, начавшийся в 1798 г. 8 февраля, разумеется, соблюдался. Пасха в 1798 г. и в католической, и в православной церквях приходилась на 28 марта (однако в православной — 28 марта по ст. ст.). Дату православной Пасхи см.: Месяцослов на лето от Рождества Христова 1798. . . С. 127. Вычисления даты католической Пасхи произведены с помощью таблиц в кн.: *Каменцева Е. И.* Хронология. М., 1967; *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М., 1990.
  - 5 Петр Алексеевич Обресков (1752—1814) — один из любимцев Павла I, сделавший при нем быструю карьеру: коллежский советник в конце екатерининского царствования, в 1797 г. он был произведен в действительные статские советники, назначен статс-секретарем, начальником походной канцелярии Павла, казначеем императорских российских орденов, а в 1798 г. произведен в тайные советники и сенаторы. Осенью 1800 г. впал в немилость, был уволен со службы: при Александре был главноуправляющим Межевой канцелярии.
  - 6 Соломенные картины (панно) — мода 1790-х гг. Ср. описание комнаты в доме Державина, прозванной «диванчик», отделанной такими панно, вышитыми М. А. Львовой (*Глинка Н. И.* Державин в Петербурге. Л., 1985. С. 110).
  - 7 Григорий Григорьевич Кушелев (1754—1833) — однокашник Шишкова по Морскому кадетскому корпусу. Один из ближайших к Павлу I людей, никогда не подвергался опале, командовал флотилией на озерах в Гатчине. В 1798 г. был назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, ему было пожаловано графское достоинство, чин вице-адмирала, в следующем году — адмирала, а также богатые земельные владения и орден Св. Андрея Первозванного. Автор ряда сочинений по морскому делу.
  - 8 Лргин (Лонгин) Иванович Голенищев—Кутузов (1769—1845) — сын директора Морского кадетского корпуса Ивана Ло(н)гиновича (см. примечание 36 в I части публикации). С 1785 г. служил волонтером во флоте, с 1788 г. был капитаном Морского корпуса, а в конце 1790-х гг. — его фактическим директором. Как и Шишков, участвовал в кампании против Швеции в 1790 г., за что был произведен в подполковники и награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени. В 1798 г. произведен в генерал-майоры. В будущем — генерал-лейтенант,

- член Российской Академии и с 1827 г. — председатель Ученого комитета Морского министерства; много переводил и писал по морскому делу, издавал некоторые сочинения Шишкова.
- 9 Память мученицы Дарии празднуется в православной церкви один раз в году — 19 марта по ст. ст.: крепостной слуга гораздо лучше знал церковный календарь, чем его господин. Хотя С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях упоминает о том, что Дарья Алексеевна была лютеранка, ее именины в доме явно отмечались, причем по православному календарю. Соотнеся упоминание об именинах Д. А. Шишковой с двойной датой, поставленной в предыдущем письме, мы можем заключить, что Шишков, живя в Германии, не переводил праздники со старого стиля на новый. Он ассоциировал их (например, Пасху, о которой пойдет речь в 11-м письме, или тезоименитство императора) с определенными числами и отмечал их, не заботясь о разнице грегорианского и юлианского календарей.
- 10 Об отношении Шишкова к казенным деньгам и о финансовых отношениях с Кутайсовыми упоминается и в его мемуарах. Описывая свое возвращение из Германии, Шишков в «Записках» пишет следующее: «Я представил отчеты путевым моим издержкам и подал также счет Кутайцову, состоящий в двух тысячах рубрах, которые сын его забрал у меня сверх отпущенных с ним собственных его денег. Он заплатил мне их, и хотя благодарил меня за сына, но последствие показало мне, что благодарность сия была не совсем чистосердечная; ибо я за посылку свою не получил никакой награды, кроме того, что государственный казначей, граф Васильев, объявил мне, что государь император, при разсматривании моих отчетов, удивился малому числу издержанных мною денег и приказал изъявить мне свое благоволение. <...> Из отпущенных со мною осмидесяти тысяч рублей казенных денег на все расходы, издержано было не с большим девятнадцать тысяч; остальные возвращены в казну» (Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 61. Далее: *Записки*). Ср. также письмо из Дрездена от 3/14 марта 1798 г.
- 11 Прогулки Шишкова по Дрездену и его окрестностям можно проследить по плану "Grundris von der Ckurfürslich-Sächsischen Hauptstadt Dresden, 1799", а также увидеть понравившиеся ему пейзажи в изображениях немецких художников конца XVIII века (в частности, Плаунскую долину и мост через Weiseritz: J. Ch. Kiengel. "Brücke im Plaunscher Grund") в изданиях: Dresden. Alte Ansichten. Ausgewählt aus den Beständen der Sächsischen Landesbibliothek / E. Neef. Dresden, 1980. Ср. также: Dresden und seine Umgebung um die Mitte des 19. Jahrhunderts / S. Nickel. Leipzig, 1989.
- 12 Предместье Friedrichstadt находится на западном берегу реки Вейзеритц, к западу от Цвингера — комплекса зданий (шесть

павильонов, соединенных галереями), выстроенных в начале XVIII в. архитектором М. Д. Пеппельманом, где уже в XVIII в. располагались знаменитые музеи: картинная галерея, кабинет гравюра, кунсткамера (затем преобразованная в ряд музеев — зоологический, антрополого-этнографический, минералогический, физико-математический салон). К Цвингеру прилегал сад, славившийся своими оранжереями. См.: Первый русский иллюстрированный путеводитель по Дрездену. Дрезден, 1906. С. 27—30.

- 13 Имеется в виду Prz. Maximilians Palais.
- 14 Характерно, что Шишков не находит ничего предосудительного в том, чтобы вместо православной заутрени отправиться слушать орган («огромная музыка») в католическую церковь. Видимо, дело не только в любопытстве, но и в отсутствии для него напряжения по отношению к католичеству и, вообще, в достаточно спокойном отношении к церковному быту. Все это приобретает особый смысл в свете последующей эволюции мировоззрения Шишкова.
- 15 Басон (с франц.) — шерстяная тесьма «для нашивок на служительскую одежду». См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 53.
- 16 Neustadt — часть города, расположенная на правом берегу Эльбы, еще в XVI в. соединенная с более старой частью Дрездена.
- 17 Дворец (или замок) курфюрста — большое здание, много раз перестраивавшееся ко времени, когда его посетил Шишков. Перестройка началась в XVI в., в XVII в. к нему была пристроена высокая башня, после пожара 1701 г. дворец был вновь перестроен и богато отделан.
- 18 Имеется в виду Linckesches Bad на правом берегу Эльбы. В конце 1770-х гг. в саду был летний театр, где дирижировал К. М. Вебер.
- 19 Fochmann Traugott Leberecht (1762—1830) — портретист и исторический живописец, ученик А. Графа. Окончил Дрезденскую Академию. В конце 1780-х гг. копировал по гравюре «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи для русской посольской церкви в Дрездене; в 1790 г. писал семейный портрет русского посланника кн. А. М. Белосельского-Белозерского. О нем см.: *Thieme Ulrich, Becker Felix. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler. Leipzig, 1933. Bd. 27. S. 169.*
- 20 Имение, пожалованное Шишкову императором Павлом I в 1797 г. См. об этом в примеч. 29 в I части публикации. В 1820-е гг. у Шишкова возникли сложности с Межевой канцелярией в связи с тем, что в имении оказались излишки земли, которые было решено отобрать в казну. См. протесты Шишкова: Записка о несправедливом отобрании в казну ча-

- сти земель Шишкова // РГИА (С.-Петербург). Ф. 1673. Оп. 1. Ед. хр. 7.
- 21 Письма 13 и 14 написаны на бумаге с траурной каймой.
- 22 В мемуарах Шишков приводит исторический анекдот, связанный с этим местом. См.: *Записки*. С. 53.
- 23 Graff Anton (1736—1813) — известный портретист, миниатюрист и гравер. С 1766 г. до конца жизни работал в Дрездене. Рисовал Виланда, Шиллера, Гердера, Лессинга, Геллерта и мн. др. известных деятелей культуры; писал портреты курфюрста и его семьи. См. о нем: *Thieme Ulrich, Becker Felix. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler. Leipzig, 1921. Bd. 14. S. 480—482.*
- 24 За вполне мирным и бытовым упоминанием имени П. А. Зубова стоят достаточно драматические обстоятельства встречи бывшего подчиненного с всесильным когда-то временщиком (см.: *Записки*. С. 53). Кроме того, Шишков был обязан следить за Зубовым.
- 25 См. вступительную заметку к I части публикации (С. 218).
- 26 29 июня — день памяти Св. Первоверховных апостолов Петра и Павла — тезоименитство императора Павла. Дополнительные сведения о празднике, данном в честь русского императора в Карлсбаде см.: *Записки*. С. 54—56. А. Г. Орлов-Чесменский был одним из тех людей, к которым Павел I должен был испытывать личную ненависть как к одному из убийц Петра III и фавориту Екатерины II. Орлов прожил все время павловского царствования за границей. Праздник в Карлсбаде, данный Орловым, видимо, растрогал императора, во всяком случае он счел необходимым написать ему следующее: «Граф Алексей Григорьевич! Узнав о празднестве, сделанном вами по случаю прошедшего дня моих именин, и судя из онаго, что вы хотели дать мне лично знать о вашей ко мне преданности, я изъявляю вам мою благодарность, яко о деле, персонально ко мне относящемся, пребывая вам впрочем благосклонном. Павел» (*Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 314.*)
- 27 Анна Шарлотта Доротея, урожд. Медем, с 1779 г. — жена графа Петра Бирона (1724—1800), герцога Курляндского и Семигальского, владельца Вартерберга (Силезия) и Находа (Чехия), сына известного фаворита Анны Иоанновны. Правда, в 1798 г. он уже не был курляндским герцогом, поскольку в 1795 г., когда Курляндия была окончательно присоединена к России, подписал отречение от герцогства, за что получил от Екатерины II денежную компенсацию и ежегодную пенсию. Анна Шарлотта Доротея была третьей женой герцога, который развелся с двумя предыдущими из-за их бездетности. От третьего брака родился сын, рано умерший, и 6 доче-

рей. Герцогиня, в отличие от герцога, была популярна среди курляндского дворянства, в 1780-е гг. даже предлагавшего ей взять правление Курляндией в свои руки. Анна Шарлотта Доротея пыталась уладить конфликт герцога с подданными с помощью своей подруги фон дер Рекке (ее тоже упоминает Шишков). Уже в 1780-е гг. чета Биронов долго путешествовала по Европе, а с 1795 г. все время жила в Германии.

- 28 Кулибинский мост, точнее — знаменитая модель моста, за которую механик-самоучка Иван Петрович Кулибин (1735—1818) получил в 1776 г. большую золотую медаль Академии Наук и 2 тыс. рублей. Сконструированный им мост без свай состоял из свода (дуги), которая упиралась концами в берега реки.